

Виктория Габриелян

Американская беседка

Виктория Габриелян

Американская беседа

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8702962
Американская беседа: Издать Книгу;*

Аннотация

Открыв книгу Виктории Габриелян, вы погрузитесь в мир необыкновенно увлекательных и интересных историй. Эти рассказы во многом автобиографичны: встречи с людьми, размышления, зарисовки из жизни. Это во многом личный дневник автора, полный откровений и открытий для всех. Армения, Украина, Америка... Сложные переплетения судеб и взаимоотношений.

Это яркие, современные истории, которые иногда помогают понять самих себя, запутавшихся и растерянных. И когда берешь в руки эту книгу, словно выстреливает пружина событий, проясняются стершиеся, казалось бы, мелочи и легко выстраиваются цепочку. Все мы в этом мире – звенья одной цепи. И поэтому «Американская беседа» – книга о каждом из нас.

Автор, открывая свою Америку, снова утверждает для нас непреложную истину оставаться верными себе, идти вперед и никогда не сдаваться, потому что всегда есть кто-то, кому ты очень нужен.

Содержание

Дорогие читатели!	6
Действующие лица:	8
Hello, America, где я буду всегда!	10
Hello, America! 11 сентября 2001 года	20
Прощай, Донецк! Hello, Washington!	26
I	26
II	33
Ева означает «жизнь»	40
Про оркестр	44
I	44
II	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виктория Габриелян

Американская беседа

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Открыв книгу Виктории Габриелян, вы погрузитесь в мир необыкновенно увлекательных и интересных историй. Эти рассказы во многом автобиографичны: встречи с людьми, размышления, зарисовки из жизни. Это во многом личный дневник автора, полный откровений и открытий для всех. Армения, Украина, Америка... Сложные переплетения судеб и взаимоотношений.

Это яркие, современные истории, которые иногда помогают понять самих себя, запутавшихся и растерянных. И когда берешь в руки эту книгу, словно выстреливает пружина событий, проясняются стертые, казалось бы, мелочи и легко выстраиваются цепочки. Все мы в этом мире – зве-

нья одной цепи. И поэтому «Американская беседка» – книга о каждом из нас.

Автор, открывая свою Америку, снова утверждает для нас непреложную истину оставаться верными себе, идти вперед и никогда не сдаваться, потому что всегда есть кто-то, кому ты очень нужен.

Дорогие читатели!

Так уж сложилось веками, что Америка является самым привлекательным местом для эмигрантов всех мастей. Кто-то приехал сюда пятьсот лет назад, кто-то – двести, а я приехала 12 лет назад. И с тех пор я открываю свою Америку. Мы – семья врачей. Мои родители – врачи, моя дочь скоро станет доктором, дяди, тети, кузены, их жены и дети – тоже врачи. Только я выбилась из этой стройной системы и стала учителем. Но в Америке, в силу некоторых обстоятельств, мне пришлось сменить карьеру, и теперь я ассистирую пластическому хирургу.

У меня новая профессия, но я скучаю по старой доброй советской школе. Я нашла новых друзей, но не забываю старых. Единственная дочь и мама переехали следом за мной, но ТАМ остались могилы наших родных и любимых. Нам приходится очень много работать и учиться, чтобы влиться в американское общество, и, вспоминая слова очень милой героини из «Служебного романа» «можно и зайца научить курить, в принципе нет ничего невозможного для человека с интеллектом», скажу вам так: чем труднее, тем интереснее.

Мне всегда везло на хороших людей. А в моей новой стране это везение ох как пригодились и, слава Богу, не подвело.

Люди разных рас, национальностей, вероисповеданий при-

чудливо сплелись в клубок под названием «моя большая американская семья». Вот об этом клубке и написаны мои истории.

Действующие лица:

Ева – моя дочь. Модная, современная, молодая женщина, которая учит меня быть тоже молодой, современной и модной. Ева родилась в Ереване, окончила школу в Донецке, а университет – в столице США Вашингтоне. Замужем, имеет сына.

Мама – моя мама.

Джефф – мой гражданский муж. Американец до кончиков ногтей. Его предки когда-то были норвежскими викингами. Искренне считает, что Соединенные Штаты Америки – самая лучшая страна в мире, как когда-то и я, в своем счастливом пионерском заблуждении, тоже считала Страну Советов самой-самой лучшей, ведь я другой такой страны не знала.

Марина – лучшая подруга с дошкольного детства. Наши семьи жили в одном шумном многоквартирном доме в Ереване; потом Марина и я дружно вышли замуж и упорхнули из родных пенатов, но... снова оказались на одной улице: Марина в доме № 1, а я в доме № 5. Сейчас Марина живет в Нью-Йорке, а я – в Вашингтоне. Расстояние между Нью-Йорком и Вашингтоном составляет 204 мили или 4 часа на машине без пробок.

Петр – дирижер оркестра, в котором я играю на балалайке. Сама не знаю как так получилось, но вся моя боль-

шая американская семья так или иначе связана с нашим оркестром.

А с остальными участниками моего реалити-шоу познакомитесь по ходу историй.

Приятного чтения!

Hello, America, где я буду всегда!

Однажды зимой на перемене между уроками ко мне подбежала учительница по этике и эстетике Юлия, схватила за руку и страшно зашептала в ухо: «Вита, я тебе такого жениха нашла!!! Это именно то, что тебе нужно!» И сунула мне вырезку из местной газеты.

Я, усмехнувшись, пробежала глазами объявление о молодом адвокате из США, который мечтает познакомиться с интеллигентной леди из Украины. К высокому кареглазому брюнету прилагались большой дом на Северо-востоке США, собственная адвокатская практика и вилла в Майами. Я затолкала бумажку подальше в сумку и побежала на урок. Если бы кто-нибудь в тот момент сказал, что очень скоро я позвоню по этому телефону, я бы рассмеялась нахалу в лицо. Кто бы мог подумать, что именно Юлия и тот клочок бумаги так круто изменят мою жизнь!

Думаю, любой женщине знакомо состояние души, когда кажется все кончено: молодость прошла, красота увяла, личная жизнь не сложилась, дочка почти взрослая, вот-вот покинет дом, на работе начальница – сволочь. Кризисная хандра, одним словом, хоть белугой вой. В таком вот настроении я и наткнулась через какое-то время на ту бумажку. Позвонила, оказалось, что это международное брачное агентство. А красавец-брюнет – это только приманка. Но я не из тех,

кто отступает на полпути, и решила попробовать. Я рассудила так: мне скоро 35, и очередь из женихов, что тут скрывать, не выстроилась. Дочери моей уже 15. А знаете, как стремительно увеличивают возраст матери взрослые дети?

Прошло десять лет с тех пор, как не стало моего мужа Миши, и редкие незначительные романы никуда не приводили. Надо было просто, банально выходить замуж. Но как?

Нужно сказать, что мужским вниманием я не была обделена никогда. Но в последнее время на меня западали только бандиты и милиционеры, и отвязываться от одних приходилось при помощи других.

Мои многочисленные родственники и подруги постоянно искали мне женихов. Только вот настоятельно рекомендуемые соседями и тетушками слесари и учителя физкультуры не разжигали во мне страсти, и мне, честно говоря, хотелось кого-нибудь поинтеллектуальнее и поэкзотичнее. Так я и попала в то агентство, и началось интереснейшее приключение: знакомство по интернету.

Своего компьютера тогда у меня еще не было, в школе все компьютеры были под замком, и даже учительнице информатики не разрешалось их трогать – вдруг сломает – поэтому два раза в неделю я ездила к черту на кулички в контору брачного агентства, чтобы забрать свою почту.

В агентстве сидела очень симпатичная барышня и занималась тем, что читала всю почту клиентов, отметала ненужное, выделяла, на ее взгляд, перспективное и переводила все

это на русский: 2 копейки – слово. Поскольку я с самого начала заказала интеллектуалов, то переписка с ними обошлась мне очень дорого: они страшно любили пофилософствовать листов на пять. Не поверите, но когда барышня из агентства звонила с сообщением, что мне пришла куча писем, она их все перевела и надо подъехать, заплатить и забрать, я, зажав в кулаке последние деньги, неслась к ней, как на настоящее свидание. Не стану утомлять читателей подробностями переписки, скажу просто, что женихов были сотни: из Германии, Швеции, Франции, США. Я остановилась на Америке, потому что сто лет назад изучала английский, моя лучшая подруга Марина уже перебралась в Нью-Йорк и Мишина семья (родственники моего армянского мужа) тоже обосновалась там – в Лос-Анджелесе. «Все-таки буду не одна в чужой стране», – успокаивала я себя.

Один смешной жених из Америки написал мне, что он барабанщик, играет в бэнде и репетирует каждый день дома. Я решила, что и так почти оглохла после 7 лет работы в школе, и барабанщика мне уже не вынести. И, вспомнив классическое «доченька, выходи замуж за кого угодно, хоть за милиционера, только не за барабанщика», твердо отказала красавчику, чем, возможно, навсегда разбила его сердце.

Дольше всех продлилась переписка с Jun. К тому времени, когда он появился на любовном горизонте, мой друг Щербак разжился новым компьютером и с барского плеча разрешил мне переписываться с женихами в своей конторе на Колхоз-

ном рынке. В целях экономии денег я просто выкупила у агентства e-mail моих постоянных ухажеров (а такая услуга была предусмотрена в прейскуранте) и, лишившись барыш-ни-переводчика, начала разбираться сама. Имя Jun веселый элек-тронный переводчик перевел как «январь», и с тех пор мы с Щербаком называли его исключительно «Январем».

«Январь» был лет на 25 старше меня, у него было 11 – wow! – детей, и жил он в Коста-Рике. Забегая вперед, скажу: 60 лет для американского мужчины – это не возраст, это самый расцвет. Но в свои 35 я думала о нем, как о глубоком скрючен-ном старике.

Его письма я читала, как роман: он был адвокатом, мор-моном (тогда понятия не имела, что это за люди), в тридцать лет сделал свой первый миллион, но потом вложил деньги куда-то не туда и все потерял, родил 9 детей, развелся, вышел на пенсию, переехал в Коста-Рику, где живет много амери-канцев поскольку там нет налогов и жизнь дешевле.

Вот тут-то и начались все его проблемы: он завязал отно-шения с местной девушкой, которая убирала у него в доме. Ему было 57, а ей – 18; у них, один за другим, родились два мальчика. И семья девушки поставила вопрос ребром. Или женись, или...

«Январю» жениться не хотелось. Тогда братья возлюблен-ной, такие мачо полугангстерского вида, стали вламывать-ся к нему в дом, размахивать перед его носом мачете и пус-кать длинные очереди из автоматов Калашникова в воздух.

Прямо «Кавказская пленница» – «мы будем судить тебя по закону гор!»

«Январь» испугался, улетел обратно в США, пересидел год, а потом опять вернулся в Коста-Рику, но уже в другой регион.

Представляете? Вот такие истории заграничный жених рассказывал потенциальной невесте, то бишь мне. Он даже звонил, но разговора у нас не получилось, потому что стоило мне слышать иностранную речь, как я впала в ступор и смогла выдать только два слова: Ні и Вуе. Так и заглохла наша с «Январем» виртуальная любовь, как и вся переписка с женихами.

И вдруг, где-то через год, когда я уже напрочь забыла, что моя анкета все еще висит на сайте знакомств, раздался звонок от барышни из агентства: «Виктория, здесь у нас, прямо в Донецке, некий американец жаждет украинскую жену и немедленно. Мы показали ему твои фото (пятилетней, между прочим, давности), он уже влюблен, копытом землю роет, тебя требует, в общем, завтра у вас свидание в китайском ресторане». Я ей говорю: «Да я и двух слов по-английски связать не смогу». А она мне: «Все, не капризничай, надень свое лучшее платье и дуй завтра в ресторан. Кстати, он будет с переводчиком».

«Свидание с настоящим американцем – это вам не хухры-мухры», – так думала вся моя школа. Тогда, 15 лет назад, массовый исход русских невест за границу только начинался,

и я еще не знала, что в Америке нас называют «невестами по почте». А мы, по традиции, верили в сказки, все наши кулары были забиты кумушками, живо обсуждающими как подруге соседки двоюродной сестры из Красноармейска несказанно повезло, и в нее влюбился заграничный принц, прилетел за ней, в ее трущобы, попутно решил проблемы всех ее родственников, как-то купив им всем машины и квартиры, а потом увез ее и ее пятерых детей от пятерых гражданских мужей «в заграницы». И живут они теперь на его миллионы, он их всех шестерых на руках носит и умоляет свою ненаглядную женушку родить ему еще парочку детишек. Может с кем-то где-то и случаются волшебные истории, но точно не со мной.

Наряд мне выбирался долго и скрупулезно, как все, что делает наш главный математик школы Нина Григорьевна. Окая на все гласные, она очень серьезно спросила:

– Ты кОкое белье одела?

– Обычное, я же в ресторане с ним встречаюсь.

– Ну и что? А может, после ресторана он тебя еще куда-нибудь пригласит. НОДО всегда быть готовой и не подвести нацию.

Последний штрих в мой самый лучший наряд – длинное, в пол, черное коктейльное платье с блестками (подходящее, как решила школа, к китайскому ресторану) внесла учительница английского языка Наталья Михайловна. Изящным движением она сняла свой стильный платочек с шеи и по-

вязала его мне, отошла на полшага назад, полюбовалась результатом и выдала:

– Витка-а!!! Да куда он от такой красавицы денется? На, я тебе свой домашний номер телефона нацарапала, если что не поймешь, смело звони.

– Но у него есть переводчик.

– Вот когда он захочет остаться с тобой наедине, переводчика не будет.

«Конечно, – подумала я, – мы же не Есенин и Айседора Дункан».

Американец мне не понравился сразу: старше меня на 15 лет, но выглядит еще старше, невысокий, толстенький, лысый с седой бородкой и очень светлыми, почти бесцветными, глазами за стеклами очков. Все, что я так не люблю в мужчинах, – очки, лысина и борода – объединилось в одном флаконе. На дворе стоял март, то есть лютый зимний месяц для американцев, поэтому одет он был в баварскую охотничью фетровую шляпу с фазаньим пером и длинное черное пальто а-ля Владимир Маяковский. Под пальто оказались брюки на широких подтяжках, что придавало ему сходство с Карлсоном.

Живя в Донецке, я не была избалована походами в дорогие рестораны. Только иногда мой богатенький друг Щербак Буратинович вытаскивал меня вкусно поесть и выпить с размахом. В 90-х годах каждый день открывались и закрывались всякие питейные заведения, куда и любил захаживать Щер-

бак. Но в новом китайском ресторане на Университетской мне бывать еще не доводилось. Для меня было в диковинку заказывать блюда по номерам, и, ткнув в первый же приглянувшийся мне номер, как в лотерею, я вытащила себе рыбу, от которой меня тошнит. Переводчицей оказалась милая 28-летняя девушка. Она допереводилась до того, что еще год назад вышла замуж за 60-летнего женатого американца, и со дня на день ожидала окончания его послеразводного процесса по разделению имущества и разрешения на выезд к нему со своей пятилетней дочерью. Я встречалась с ней потом в Америке. Она живет в Пенсильвании, где-то на ферме, родила еще двоих детей, преподает фитнес в местном клубе; муж ее постоянно судится со своими старшими детьми о праве на их общую собственность. Но она счастлива.

В ресторане я очень смутилась, что мне абсолютно не свойственно: может быть, от бойко говорящей по-английски Переводчицы, или от уютного Карлсона, а может, и от рыбы, но мне было некомфортно, и про себя я думала: «Да ни за что, да ни за какие бублики!»

После обеда с помощью Переводчицы Американец попросил меня зайти к нему на съемную квартиру здесь неподалеку – какая наглость! – чтобы помочь ему сварить борщ (ну, это уже ни в какие ворота!).

Сначала я подумала, что это кодовый язык такой, знаете, попросить перевести про борщ, а за спиной подмигнуть: пусть это они думают, что – борщ, ну а мы-то с вами знаем

зачем нам надо уединиться в квартире. Но когда оказалось, что он на самом деле просит помочь приготовить еду, я аж растерялась, что мне тоже не свойственно, и первый раз в жизни не нашлась что ответить. Ни тебе ужина при свечах, ни шампанского, ни Синатры. Прямо сразу – бух! – и иди, милая, свари-ка мне борщ. Он даже показал мне авоську с морковкой, картошкой и свеклой, купленными заранее, еще до свидания с любимой. Ну я и пошла к нему и в своем лучшем платье сварила-таки ему борщ. Потом вызвала такси и уехала домой.

То ли борщ оказался на славу, то ли мое вечернее платье его сразило, но после той встречи, он приезжал в Донецк еще семь раз и в конце концов уболтал меня выйти за него замуж. Никогда не знаешь как все в жизни повернется.

На следующий день, стоило мне только появиться в учительской, все наши учителя, побросав отчитывать нерадивых учеников и проверять тетради, кинулись ко мне с главным вопросом:

– Ну как Американец?

Нина Григорьевна натянула дополнительную пару очков поверх основной, чтобы ничего не пропустить, и окая уже даже на согласные, строго спросила:

– Что было потом? Он пригласил тебя к себе после обеда? Рассказывай все в деталях и ничего не пропускай.

– После обеда он пригласил меня к себе на квартиру, – призналась я. – И мы вместе сварили борщ. Он чистил кар-

тошку, а я натирала морковку и свеклу на терке, потом шинковала капусту... В своем лучшем коктейльном платье.

– Это что секс по-американски так называется? – не успокаивалась Нина Григорьевна.

– Это секс по-хохлятски так называется, а оргазм достигается с помощью борща с чесночными пампушками. Милая Нина Григорьевна, никуда я от вас не уеду. Он мне жуть как не понравился.

Я решила больше никогда не встречаться с Американцем и не отвечать на его сообщения.

Я и правда тогда думала, что больше никогда Американца не увижу. Но мне попался настырный, упрямо идущий к своей цели тип. И слава Богу! Потому что он меня уговорил, убедил, упросил изменить свою жизнь, именно он научил меня не бояться пробовать что-то новое, не пасовать перед трудностями и преодолевать препятствия. Именно он доказал мне, что я могу еще чему-то научиться – новому языку, новой специальности; смогу найти новых друзей, освоить игру на новых для меня музыкальных инструментах. Перестать относиться ко всему негативно, а просто поверить в себя, в свои силы, в свою волю и в свой талант. Благодаря ему я ввязалась в самую удивительную авантюру своей жизни – открытие Америки.

Hello, America! 11 сентября 2001 года

Итак, я оказалась в Америке и вышла замуж за Американца, с которым познакомилась в Донецке через брачное агентство. Цель стояла – просто выйти замуж, а Америка оказалась бонусом. Надо сказать, что Ева уперлась рогом и наотрез отказалась уезжать из Донецка и жить в Америке. Она поступила в Донецкий медицинский институт, в котором училась вся моя семья: папа и мама, дядя и тетя, двоюродный брат и его жена. Только-только прошла торжественная линейка для первокурсников на стадионе мединститута, где они с большой помпой надевали белые халаты под аплодисменты родителей, смахивающих слезы гордости за своих чад, и скупающих преподавателей, а тут на тебе – мама замуж собралась. К тому же Еве Американец никогда не нравился, хотя он очень старался наладить с ней контакт. В конце концов нашли компромиссное решение: Ева остается жить в Донецке, в нашей с ней двухкомнатной квартире в центре города на Набережной, троюродная сестра Ира переезжает к ней, чтобы ребенок был под присмотром. Бабушка с дедушкой – неподалеку, а мы с Американцем будем посылать ей деньги каждый месяц, и несколько раз в год будем встречаться с ней: она к нам приедет, или я – к ней. Для всего

этого благополучия нам надо было получить американские визы, а тогда визы невест для украинских гражданок выдавали только в Польше.

Интервью в американском посольстве в Варшаве нам назначили на 13 сентября 2001 года. Я сбегала в Евин институт, познакомилась с очень молодым и импозантным деканом, и он отпустил Еву с уроков на поездку в Варшаву.

Мы отправились в Польшу на поезде с пересадкой в Киеве. Специально остановились в Киеве на пару дней, чтобы посмотреть город, в котором мы никогда до этого толком не были. Гостиницы оказались нам не по карману, и мы сняли комнату на пару дней у веселой и очень заботливой женщины Веры Лукиничны.

11 сентября мы отправились погулять по городу, сходили на Андреевский спуск, предварительно 20 раз спросив у всех знакомых и незнакомых дорогу к Софийскому собору, но поскольку у меня проблемы с ориентировкой в незнакомой местности, то собор мы так и не нашли. Зато мы совершенно случайно наткнулись на католический костел, где-то в районе Крещатика, и зашли в него. Там шла служба, мы присели на скамью у входа; людей было немного, и все на нас оглядывались. Когда служба закончилась, прихожане потянулись к чаше со святой водой, они опускали пальцы в воду, а потом подходили к священнику, целовали крест, который он держал в руке, крестились и уходили. Мы как-то смутились и хотели потихоньку уйти, но священник вдруг подо-

звал нас к себе, спросил откуда мы.

– Из Донецка.

Он удивился, показал нам на чашу с водой, мы опустили в нее пальцы. Вода была холодной, у меня дрожь пробежала по всему телу. Он сказал нам:

– Помолитесь, и все у вас будет хорошо.

А потом по очереди приложил крест к моему и Евиному лбам. Мы поцеловали крест, поблагодарили священника и вышли из церкви.

Когда мы вернулись к Вере Лукиничне, по телевизору, в прямом эфире, самолеты с террористами и несчастными пассажирами таранили башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Все горело, дымилось, падало и взрывалось.

Потом показали горящий Пентагон и упавший самолет в Пенсильвании. Все это было страшно, непонятно, видно было, что ведущие новостей в растерянности. Тут, конечно же, звонят мама и папа:

– Немедленно возвращайтесь домой, вы видите, что в Америке творится?

А у нас билеты на завтра в Варшаву. Все нам стали говорить, что посольство наверняка будет закрыто, что визы выдавать не будут. Но мы с самого начала были как-то легкомысленно настроены на всю эту затею: получится – хорошо, не получится – тоже не расстроимся. Решили ехать.

В Варшаву мы прибыли ранним утром 13 сентября. Вещи свои оставили прямо в нашем купе. В дороге мы подру-

жились с нашим проводником: пожилым, очень худым, как жердь, мужиком, изъясняющимся исключительно на «мове». Я больше помалкивала, предоставляя Еве общаться с ним, поскольку она тогда еще не забыла украинский язык. Узнав, что мы из Донецка, он очень удивился:

– Вона, а я думав, що дівчатка з Донеччини тільки російські розмовляють.

А когда он узнал, что мы этим же поездом, в этом же купе вечером отправляемся обратно, то разрешил оставить чемоданы в поезде, чтобы не таскаться с ними по Варшаве.

На автобусе мы подъехали к американскому посольству. Еще издали заметили море цветов и свечей у ограды здания посольства. Там были и мягкие игрушки, и платочки, повязанные на железные прутья ограды, и плакаты со словами скорби, и открытки с соболезнованиями. Нас очень тронуло всеобщее сочувствие, и только в этот момент, увидев идущих сплошным потоком поляков с цветами и свечами, мы начали ощущать это горе, эту трагедию потери трех тысяч невинных людей, которые были чьими-то детьми, родителями, они любили и их любили, они строили планы и их где-то ждали...

Кучка ожидающих приема в посольстве жались на противоположной стороне улицы. Мы подошли к ним и стали прислушиваться к разговорам. Оказалось, что вчера приема в посольстве не было, и все, у кого интервью было назначено

на 12-е, тоже стояли здесь и надеялись. Мы со всеми пере-
знакомились и коротали время до открытия посольства, вы-
слушивая их истории, – кто, как и зачем получает американ-
скую визу.

Ровно в девять часов утра ворота открылись, к нам подо-
шел охранник и назвал первые десять фамилий из списка,
мы с Евой оказались в их числе. На удивление быстро и про-
сто мы получили визы и уже через час вышли на улицу. Там
бесконечным потоком шли к посольству люди, несмотря на
проливной дождь.

Мне запомнилась молодая учительница, которая привела
группу детей шести-семи лет в школьной форме, белых но-
сочках, с ранцами за спиной. Они тихо подошли к ограде,
аккуратно разложили свои рисунки и поставили рядом с ни-
ми горящие свечи. Мы с Евой долго стояли там в толпе и
молчали, а над нами развевался приспущенный американ-
ский флаг.

Мы не знали, как все сложится в новой для нас стране,
мы не знали языка, но мы чувствовали эту боль от трагедии,
которая потрясла Америку.

Прошло 12 лет. Много написано о 9/11. Сняты фильмы,
проведены расследования и исследования: почему и как та-
кая трагедия могла произойти в самой успешной стране ми-
ра?

Написаны песни, построены мемориалы, открыты памят-
ники. Каждый год, ранним утром 11 сентября, действующий

президент США произносит речь, встречается с выжившими и семьями погибших.

А я в этот день вспоминаю Варшаву и детские рисунки на тротуаре, которые покрывались капельками дождя, как слезами. Что могли понимать польские дети о событиях в Америке? Но они тихо стояли рядом с учительницей, и это делало трагедию за океаном еще более значительной и незабываемой.

Прощай, Донецк! Hello, Washington!

I

Двенадцать лет назад, в октябре, я начала открывать Америку.

Мне бы мои мозги и мой сегодняшний опыт тогда, в мои 37, и все случилось бы, возможно, иначе. Но пришлось набить много шишек, наделать кучу ошибок, прежде чем я приспособилась к новой жизни.

После получения американской визы я начала готовиться к поездке в Америку. У меня и в мыслях не было, что я там задержусь надолго, я даже с работы не уволилась: написала заявление на отпуск за свой счет и, на всякий случай, заявление на увольнение по собственному желанию. Директор школы, где я проработала чуть больше года завучем по воспитательной работе, был очень понимающим и мудрым. Я ему все рассказала и на прощание попросила: «Дорогой МН, не увольняйте меня сразу. Я поеду, осмотрюсь, может быть, мне не понравится, и я вернусь».

А он мне сказал:

– Ты не вернешься.

Как в воду глядел.

Итак, мой Американец приехал в Донецк за мной и Евой.

Он пригласил нас в Париж. Я опять сбегала к Евиному декану в медицинский институт, и отпросила ее на неделю для поездки во Францию. Мы с Евой ныли на тему, что нам никогда и ни за что визы во Францию не дадут, но Американец был уверен: «Дадут». И купил нам билеты в Париж.

Американец уже был знаком с моей семьей, он как-то приезжал на майские праздники и выразил желание познакомиться с моими родителями. Мы с Евой решили устроить ему «проверку на дорогах» и отправились с ним в нашу Ялту, Донецкой области, к моим родителям на электричке до Мариуполя, а оттуда до Ялты на автобусе.

Электричка была переполнена до предела. Тетки с сумками и ведрами, пьяные мужики, отмечающие Пасху, плавно перешедшую в Первое мая, орущие дети. Сидячих мест нам не досталось, и наш Американец простоял все три часа на ногах, продемонстрировав чудеса выживаемости в нашем хаосе. Но на электричке его мучения не закончились, и ему пришлось еще раз пережить то же самое в ялтинском автобусе. Потом от автобуса пешочком с сумочками и чемоданами (вы когда-нибудь видели какой багаж у американцев, даже если они путешествуют всего два дня?). По дороге нам попадались никогда не высыхающие лужи, бредущие домой с пастбища коровы, по пути жующие сирень, которая шапкой нависает над каждым забором, и стада злых, шипящих и преследующих всех прохожих до самого дома гусей. Спрятавшись от гусей за воротами нашего дома, Американец только

и смог пробормотать: «Oh my God! This is not the District of Columbia». Да уж, извините, это вам не Вашингтон.

Тут появились мои родители с хлебом-солью, и папа, подполковник медицинской службы, прошедший Анголу, Нами-бию и Афганистан, на приветствие «Hello! How are you?» вдруг заговорил по-армянски: «Բարև, բարև: Լալի եմ»¹. И, взяв лицо Американца в свои ладони, троекратно поцеловал его. Сейчас, пожив в Америке, я понимаю, какой это был стресс для Американца, особенно папины поцелуи. Мы-то от всего сердца, но американцы свято блюдут свое privacy, ревностно относясь к вторжению в свое личное пространство, и мужчина целует мужчину только в одном случае. Но тогда я об этом не знала, и для меня все выглядело вполне нормальным.

Потом, конечно, была поляна с родственниками и соседями. Где-то в середине обеда, когда народ только-только разговелся, Американец вдруг сказал, что он сыт и уже достаточно пьян и, поблагодарив всех, удалился в отведенную комнату. Папа зашипел другу и соседу Володе Шаповалову: «Все, напугали парня». А парень был младше папы всего на девять лет.

На следующий день оказалось, что неподалеку, в пансионате, отдыхает мой двоюродный брат Вова и его коллеги по цеху – врачи-урологи с женами, детьми, подругами, любовницами и их детьми. Я не знаю, каким образом он узнал, что

¹ Привет, привет, хорошо!(арм).

мы тоже в Ялте, но, после недолгих уговоров, Ева, я и наш гость быстро перекочевали в пансионат к Вове.

Было начало мая, отдыхающие еще не приехали, и домики открыли только для урологов. Прямо во дворе перед домиками стоял длинный деревянный стол, полностью накрытый к обеду, со скамьями вдоль него. За столом сидело человек пять хмурых и неприветливых урологов, молча поглощающих супчик с потрошками. Ситуация напомнила мне «Место встречи изменить нельзя», когда Шарапова, неумело прикидывающегося вором, привозят на малину к Горбатову. Так же молча нас усадили за стол, налили по тарелке супа, а взрослым – по стакану водки и молча стали ждать, когда Американец и я опрокинем в себя 200 грамм, не иначе чтоб потом, как Гоша из фильма «Москва слезам не верит», пожать нам руки. Я взмолилась: «Ну ребята, он же американец, вы что хотите мировой скандал?»

Народ оживился, напрягся до покраснения, пытаюсь вспомнить с похмелья английские слова, поминутно спрашивая у своих детей:

– Эй, Ванька, как там было по-английски «да не парься ты, это мы просто отдыхаем, мы – урологи»?

Дети ныли в ответ:

– Да не знаю я, папа!

А папы в свою очередь:

– Ах вы бездельники, за что только я такие бабки вашим

репетиторам плачу?

Пьянка продолжалась до позднего вечера, мы периодически уходили на пляж, где Вова, невзирая на температуру воды чуть выше нуля, плавал в море стилем баттерфляй, возвращались, блюда на столе менялись, подавали шашлык, потом рыбу, потом еще что-то. А урологи сидели все там же и пили без перерыва. Всем хотелось поговорить с Американцем «за жизнь». Я уже начинала чувствовать себя где-то в фильме «Брат-2»: «Вот скажи мне, Американец, в чем правда?» И дальше по тексту. Мой братец Вова, огромный и громогласный, требовал, чтобы Американец попробовал «ерша», не путать с рыбой. А от меня – дословный перевод классического «водка без пива – деньги на ветер». Но надо отдать должное Американцу: он дал отпор моему брату, что еще никому не удавалось. Вова настолько приставучий, что и мертвого поднимет и заставит пить с ним водку до утра, петь песни под гитару, рвя струны и голосовые связки. Ему отказать было просто невозможно, и, если я просила его реветь песни потише, не то весь дом разбудит, он удивленно оправдывался: «Вит, ну мы же просто отдыхаем. Вит, ну давай вместе „прощай, от всех вокзалов поезда уходят в да-а-альние края-я-я!“»

Когда в 23:00 Американец откланялся и ушел спать, у Вовы аж рюмка из рук выпала: «Так веселье же только начинается». Я потом долго, сквозь сон, слышала рев Вовы и урологов, шум мотора, потому что в 3 часа ночи Вове захотелось

поест свежей рыбки, и он гонял на машине к круглосуточным рыбакам.

Рано утром проснулся совершенно свежий Американец, поел супчика вместо cereal-мюсли, выпил томатного сока вместо апельсинового и пошел будить Вову, чтобы поблагодарить его за прекрасный вчерашний день. Постучал в дверь, услышал вежливое:

– Твою мать... кто там?

Зашел к Воле и с лучезарной улыбкой поздоровался:

– Good morning!

А Вова как рывкнет в ответ:

– Какого хрена тебе good morning, это bad, слышишь, bad morning.

Но вернемся в октябрь.

После долгого прощания с родителями, родственниками, коллегами по работе и друзьями, мы, наконец, добрались до вокзала. Там нас ждала еще одна группа провожающих. Это настолько потрясло Американца, что, когда мы после слез и шампанского загрузились в купе, он спросил: «А почему эти люди пришли тебя провожать, и почему все плакали, они ведь должны радоваться, что ты уезжаешь в Америку?» Ну что можно было ответить на это чистокровному белому американцу? Он же везет меня в рай из этого коммунистического ада.

Утром следующего дня мы заехали в посольство Франции

в Киеве, легко получили визы и вечером того же дня Ева, я и Американец приземлились в аэропорту имени Шарля-де-Голля. Мы провели замечательную неделю во Франции (про это отдельная история), и Ева улетела обратно на Украину, а мы – в Вашингтон.

В Dulles International Airport нас встретили друзья Американца Джим и Глория с цветами и открыткой Welcome to the United States. В этом все американское гостеприимство и дружелюбие. Это очень приятно и ни к чему не обязывает. В аэропорту выяснилось, что мой чемодан потерялся. Друзья подвезли нас к дому, пообнимались и удалились.

Дома меня ожидало горькое разочарование. Квартира оказалась пустой, то есть мебели в ней не было. В гостиной стояли один стул и очень старый телевизор. Я спросила: «Это черно-белый телевизор?» Американец обиделся: «Нет, конечно, цветной». В столовой был еще обеденный стол со стульями, в спальне лежал одинокий матрас, в кабинете – стол с компьютером, а все офисные принадлежности, бумаги и документы просто валялись в коробках на полу. И все. На ужин мы съели две картошки, запеченные в микроволновке. Это была вся еда в доме. Переодеться мне было не во что, так как мой багаж потерялся. В квартире было холодно и неудобно, и оставалось только лечь спать: утро вечера мудренее.

II

Октябрь в Вашингтоне и пригородах очень красивый. Прямо по Пушкину: «В багрец и золото одетые леса».

Недавно еду с работы и вдруг ловлю себя на мысли, что вдоль дороги нет ни одного одинакового дерева: и с желтыми листьями, и с красными, и с бордовыми, и даже с розовыми. Прекрасная пора! «Очей очарованье».

Таким же прекрасным был мой первый день в Америке двенадцать лет назад. Я имею в виду погоду. А вот все остальное... Но у меня был обратный билет с открытой датой, и я хранила его под подушкой: не смогу привыкнуть – уеду.

Американец, абсолютно бодрый, радостно разбудил меня в шесть часов утра: «Я пришел к тебе с приветом». Я тут же очень серьезно все ему разъяснила: «Пожалуйста, никогда не буди меня без острой на то необходимости, я сама проснусь, когда надо и в лучшем настроении».

Надо сказать, что я типичная «сова» и по утрам у меня всегда плохое настроение, поэтому утром я никогда ни с кем не разговариваю. К сожалению, эта дурная привычка перешла с генами Еве, и когда мы жили вместе, утро у нас всегда проходило в гробовом молчании. Мы молча собирались, завтракали и молча шли вместе в одну школу: Ева учиться, а я – учить.

Я никогда не встречала американцев до этого, о них я знала только из книг Драйзера, О'Генри, Сэлинджера и голливудских фильмов. Об американской жизни нам замечательно рассказывала советская пропаганда: как притесняют цветное население, как совсем зажрались белые американцы, утопая в роскоши. Американскими героями нашего детства были Анджела Дэвис, Дин Рид и Саманта Смит. Я спрашивала о них у простых американцев, никто о таких героях даже не слышал.

Хорошо, что у Американца оказалась запасная зубная щетка, а вот запасных женских тапочек у него не нашлось, поэтому я по-прежнему ходила в туфлях на высоком каблуке, в которых и прилетела. Американец сжалился и неожиданно проявил чудеса щедрости:

– Собирайся, поедем на шопинг.

На парковке перед домом стояло несколько машин, новенький «мерседес» сразу привлек мое внимание, и я с надеждой спросила:

– А которая твоя машина?

Мы миновали «мерседес» и подошли к старому, раздолбанному Jeep Cherokee.

– Этой машине 17 лет, – гордо сказал Американец и открыл мне дверь со стороны водительского места. – Садись, ты говорила, что у тебя есть права, и ты умеешь водить машину.

Jeep, как и положено 17-летней машине, был с ручной

коробкой передач и без кондиционера. Я вцепилась в руль мертвой хваткой, ладони мгновенно вспотели, но, тем не менее, лихо выехала со стоянки.

Дорогие мои читатели, скажу вам честно – нам нельзя в Америку, у нас испорчен менталитет. Для нас главное что? Показать свою крутизну. Понты родились раньше нас. Мы встречаем и провожаем по одежке. Мы судим о состоятельности людей по костюму, машине, мобильному телефону. Годами нас учили думать одно, говорить другое, писать третье. Америка перевернула все мои представления с ног на голову.

По дороге за новой удобной обувью мы заехали за продуктами, и мне захотелось купить сыр. Я выбрала какой-то желтый, но Американец сказал:

– Не бери, он невкусный.

Вместо того, чтобы спросить у него: «Noney, милый, а какой сыр вкусный?» и последовать его совету, я подумала: «Какой жадюга, ему даже сыр купить жалко». Самое интересное, что этот сыр действительно оказался несъедобным, и я его никогда больше не покупаю. В Америке я научилась верить тому, что мне говорят, не искать скрытый смысл, а просто верить на слово. И они не жадные, они – рациональные.

Первый день прошел в хлопотах и покупках. Чемодан, слава Богу, к вечеру привезли, холодильник загрузили продуктами. Вечером я занялась составлением списка вещей,

которые необходимо купить в первую очередь: как то диван для гостиной, комод с зеркалом для спальни и занавески на все окна. Женщина я в конце концов или нет?

Когда, пару дней спустя, Американец уехал в командировку, я не долго думая, села в машину, съездила в магазин, купила книжные полки и придала его кабинету приличный вид: все штучки из коробок переехали на полки. Через две недели наша квартира приобрела вид жилого – и даже уютного – помещения и можно было подумать о духовном.

В один прекрасный день за утренней чашкой кофе Американец положил передо мной лист бумаги с каким-то текстом.

Я спросила:

– Что это?

Он важно сказал:

– Я составил распорядок твоего дня.

Я долго читала свое расписание, и все не могла понять – шутит он так или же это все всерьез.

9–9:30 – подъем, душ и т. д.

9:30 – первая чашка кофе вместе с ним.

10–10:30 – завтрак.

Тут я оторвалась от листка бумаги и спросила:

– А кто готовит завтрак?

Он сказал:

– Ты.

– А почему в расписании не указано? Непорядок.

Он, с готовностью все исправить, в ответ:

– Sorry, honey, прости, милая, я сейчас допечатаю.

Читаем дальше.

10:30–11:30 – прогулка, знакомство с окрестностями

11:30–12:30 – изучение английского языка

12:30 – приготовление ленча

1pm – ленч.

И так далее до самого отхода ко сну. Там было и изучение его бизнеса, и просмотр телепередач с ним и без него, и общение по телефону с Евой и родителями, чтение книг, обед, ужин. Простите за подробность, но были даже указаны дни благоприятные для секса: среда и суббота. Хорошо, что у меня есть чувство юмора, и я не восприняла всю эту мусть всерьез. Но подумала, что все американцы такие педанты. Спустя двенадцать лет могу со всей ответственностью сказать: не все, он один такой, уникальный, special.

Были и положительные стороны. Поскольку он ко всему относился серьезно, то после принятия решения жениться на мне стал посещать уроки русского языка в учебном центре недалеко от нашего дома. Там он познакомился с двумя Джонами. Джон Р. женат на русской девушке, Джон С. пона-привозил русских невест из России, знакомясь по интернету, правда, ни одну из них не осчастливил и до сих пор ходит в женихах. Его бывшие невесты тоже не пропали, нашли других, повыходили замуж, родили детей, выучили язык, нашли работу. И как-то мой Американец захотел познакомить

меня с двумя Джонами и своей учительницей русского языка из Новосибирска. Я заехала за своим красавцем после уроков и познакомилась со всеми.

Я так обрадовалась возможности поговорить по-русски с учительницей, что немедленно пригласила ее с мужем, тоже американцем, к нам на обед. Вдруг Джон Р. подошел к нам и пригласил всех к себе сегодня вечером на большую вечеринку в честь первой годовщины свадьбы с русской девушкой Леной. Мой Американец очень обрадовался и пообещал, что мы обязательно придем. Но мне никуда не хотелось идти, учительница Надя и ее муж уже расположились у нас, я наварила пельменей из русского магазина, открыли бутылочку водки. Американцы там о своем, а мы с Надей на родном, на русском, отводили душу.

Надя, скривив брезгливую мордочку, поведала:

– Этот Джон Р. нас тоже приглашал. Там у них обязательно будет Петя, он всех подряд уговаривает играть у него в оркестре на балалайках.

В моей голове сразу нарисовалась картинка из анекдотов про ностальгирующих русских, живущих на чужбине. Воображение услужливо выдало женщин в сарафанах и мужчин в косоворотках, играющих на балалайках и проливающих горькие слезы. «Я никогда не позволю уговорить себя играть на балалайке», – подумала я и на всякий случай попросила своего американца:

– Давай никуда не пойдем сегодня вечером, смотри, как

хорошо мы уже сидим.

Но он проявил настойчивость и, проводив Надю с мужем, мы отправились на вечеринку. Дверь нам открыла Лена. С первого взгляда на нее я поймала себя на мысли что хочу, чтобы она стала моей подругой. Лена выглядела так молодо, что я подумала: ей наверное, лет 20. Она пригласила нас в дом, веселье было в полном разгаре.

Через пять минут я познакомилась с дирижером оркестра Петей и через неделю уже играла на балалайке в настоящем оркестре.

Это был день, который перевернул всю мою жизнь и примирил меня с Америкой, потому что именно в тот день я встретила своих самых лучших друзей.

Ева означает «жизнь»

Хорошо помню дни перед рождением Евы. 1984 год. Единственный год правления Черненко. Олимпийские игры в Лос-Анжелесе, которые мы благополучно пробойкотировали. Загнивающий коммунизм в самом расцвете, а вот Джордж Оруэлл ошибся. Не был тот год похож на его книжный.

Ереван, жара, июль. По телевизору до программы Время шел многосерийный фильм «ТАСС уполномочен заявить», а после программы Время, очень поздно, показывали фестиваль эстрадной песни в итальянском Сан-Ремо. Только к этому времени слегка спадала жара, выливался ежедневный дождь с обязательной грозой, и наступала приятная июльская ночь. «Спи, ночь в июле только шесть часов». Все окна во всех домах и квартирах были распахнуты, из каждого окна звучали сладкоголосые итальянцы. Каждую ночь мы усаживались перед телевизором и объедались невероятно вкусным шоколадным мороженым, которое выносили с молокозавода наши соседи и продавали по сходной цене. До сих пор помню эти бежевые брикеты, завернутые в целлофан и промасленную бумагу, от которых мы отколупывали куски мороженого ложкой, смоченной в холодной воде. Вот под мороженое и Сан-Ремо и родилась девочка Евочка.

Дождь шел каждый день, шел он и в тот день, когда ме-

ня увезли в роддом. Помню, как мой папа пришел меня проводить по дороге домой из своего военного госпиталя. И он стоял под окном, мне было очень больно, но я крепилась, потому что мне не хотелось, чтобы он переживал. А он все стоял и стоял и не уходил, а дождь все шел и шел, и я до сих пор вижу капли дождя на его офицерской фуражке: они собирались в шарики и скатывались ему на плечи – на погоны. И на следующий день, когда родилась Ева, тоже шел дождь, и с тех пор каждый год, в день Евиного рождения, идет дождь.

Я очень подружилась со своими соседками по палате, нас было четыре мамы, и у всех родились дочки – Гаянэ, Анжела, Моника и Ева. Я никогда их больше не видела и не знаю как сложилась жизнь девочек, которые все родились в один день.

В то время не было никаких УЗИ, и пол ребенка не был известен до момента рождения. Почему-то я была уверена на все 100 процентов, что у меня родится мальчик, поэтому имя мы приготовили только для мальчика – Сергей, в честь Мишиного отца. Когда акушерка объявила – «девочка!», я даже подумала, что она шутит. Но потом мне показали мою дочь, и она посмотрела на меня очень синими глазами серьезно и важно: «А вот и я!»

С именем сразу возникли проблемы. Миша решил назвать ее Эллой в честь любимой певицы Эллы Фицджеральд, я согласилась, хоть мне это имя и навевало ассоциации с Эллочкой Людоедкой. Миша пошел в ЗАГС получать свидетельство о рождении. А в то время в Армении как раз начался

очередной виток патриотического воспитания, и на этом фоне взяли и запретили давать детям имена неармянского происхождения. Миша растерялся, но ему УСЛУЖЛИВО приволокли список имен, которые в обязательном порядке рекомендовались Отделом народного образования Армении. Как потом рассказывал Миша, из всего списка удобоваримыми и легко-произносимыми были только Анна, Эмма и Ева.

Как всегда, в Армении за деньги можно было сделать все, но денег с собой не было, поэтому Миша отправился домой. По дороге он встретил моего одноклассника Давида. Они, конечно же, пошли отмечать радостное событие. Миша рассказал Давиду эпопею с именем, а Давид выдал Мише свою.

Точно такую же, только случившуюся с ним год назад. Тоже родилась дочка, тоже хотели дать неармянское имя, тоже в ЗАГСе получил список и рассудил так: Анна у нас уже есть – сестра (у нас тоже – племянница), Эмма как бы имя для взрослой тетки. Осталось – Ева. Он ее так и назвал и не пожалел ни на секунду. Имя редкое, незатасканное, имя первой женщины на свете, означает «жизнь». Миша согласился со всеми доводами, встал, пошел обратно в ЗАГС и назвал нашу дочь Евой. А мы-то еще об этом не знали, и все записочки от родных и друзей я получила типа: «Поздравляем с рождением доченьки Элочки!».

На следующий день Миша гордо размахивал новеньким свидетельством с именем Ева под моим окном, а я чуть с четвертого этажа не выпала от неожиданности. Что-что, а имя

Ева мне в голову не приходило. Но больше всех расстроилась моя бабушка Нина: «Фу, где вы взяли такое имя? Такие хорошие имена у бабушек – Светочка, Зиночка!» Когда бабушка узнала, что за деньги можно сделать все, она немедленно телеграфом выслала нам 100 рублей, чтобы мы дали ее правнучке другое имя. Деньги мы взяли, но имя оставили. Потом и бабушка привыкла, но всегда называла ее по-своему – Эвочка.

Я очень рада, что Миша дал нашей дочери такое чудесное имя, и она полностью ему соответствует: Ева прекрасная идет по жизни и любит жизнь. И где-то по земле ходит еще одна Ева, дочка Давида. С такой же историей. Миша и Давид ушли из жизни молодыми, они не увидели своих девочек взрослыми. Но они дали им имя Ева – «жизнь»!

Про оркестр

I

Что мы знали в детстве о балалайке? Под словом «мы» я подразумеваю своих ереванских друзей, одноклассников и однокурсников, с которыми я выросла, училась в школе и в университете. Я задала себе этот вопрос, и ответила: ничего. Как ни стыдно признать, но мои познания о балалайках до 37 лет ограничивались стишком из книжки Носова про Незнайку: «Я – поэт, зовусь Незнайка. От меня вам – балалайка». Или кадром из фильма нашего детства «Корона Российской Империи», где как бы иностранный турист на корабле со знанием дела рассказывает таким же туристам, что все коммунисты играют на «бамбалайках». Так приблизительно и произносит слово «балалайка» мой босс, но не потому что не может произнести правильно, а просто потому что подшучивает надо мной. На самом деле он очень гордится тем, что его ассистентка играет в настоящем оркестре, концерты которого проходят, можно сказать, в лучших залах нашего региона и на которые продаются настоящие билеты за настоящие доллары.

Помните долгие концерты по телевизору, посвященные Дню милиции, или 8 Марта, или очередной годовщине Ок-

тябрьской революции? Вот там обязательно выступала Людмила Зыкина в сопровождении оркестра народных инструментов под управлением Некрасова. Там мы видели балалайки. Но я, честно говоря, с нетерпением ждала, когда классическо-народно-патриотическая часть концерта закончится и начнется эстрадная часть: Хазанов и Пугачева.

В Ереване я училась в музыкальной школе по классу фортепиано. Музыкальная школа находилась прямо на первом этаже младшего корпуса нашей средней школы. После того, как я окончила первый класс общеобразовательной школы, моя мама и тетя Роза, мама моей лучшей подруги Марины, привели нас на вступительные экзамены в музыкальную школу.

Мне всегда хотелось стать артисткой. Я была из тех детей, которым дают сказать две строчки в общем выступлении, но которые знают наизусть весь спектакль и дома устраивают полный прогон перед родными и близкими, исполняя все роли. Музыка не была чужда нашей семье. Мой дедушка Митя играл на мандолине, которую сделал сам, и на скрипке – трофее Великой Отечественной войны. Дед Кузя играл на гармошке, я любила переодеваться в наряды 40–50-х годов, в которые больше не влезали мои бабушки, и устраивала концерты. Дедушки играли, а я пела и плясала.

Но экзамены в музыкальную школу мы с Мариной почему-то провалили.

Наши родители не растерялись и быстренько пристроили

нас в музыкальную школу при Доме офицеров. Правда, туда надо было очень долго ехать с пересадками, так как Дом офицеров находился далеко от нашего дома, в центре города на площади тогда Ленина, а теперь, Солидарности.

Нашей учительницей была Светлана Михайловна, ровесница наших мам и тоже жена офицера. Мы тут же все начали дружить семьями: часто ходили друг к другу в гости, играли с сыновьями Светланы и выезжали всей гоп-компанией за город на шашлык-хоровац. То ли из-за этой дружбы, то ли по причине нашей с Мариной музыкальной одаренности мы с ней были отличницами в музыкальной школе, и только сольфеджио у нас чуть-чуть хромало. Маринин папа решил исправить положение и нанял нам репетитора по сольфеджио Гая Петросовича, чуть ли не народного артиста Армении, который играл в каком-то военном оркестре еще со времен революции. Он был чем-то обязан дяде Мише, в то время начальнику пенсионного отдела республиканского военкомата. Учитель был старенький, и он приезжал к нам за тридевять земель. А мы с Мариной, паршивые девчонки, как называли нас мамы, прятались от него во дворе или даже убегали играть с детьми в соседний двор, чтобы мамы нас наверняка не докричались. Нам это с рук не сходило, родители все равно нас отлавливали и, всыпав за плохое поведение как следует, усаживали за инструмент заниматься сольфеджио.

Тяга к творчеству отражалась в нашей игре в театр. Мы

придумывали пьесы, распределяли роли, репетировали и показывали спектакли соседям прямо между этажами на лестничных площадках. У тети Розы с девических времен остались роскошные платья из забытых тканей: крепдешина и креп-жоржета. После рождения двоих детей тетя Роза поправилась, а перешивать платья уже не имело смысла, так как в моду 70-х прочно вошел кримплен. Вот тетя Роза и пожертвовала свои очень красивые платья нашему театру.

Крепдешин был воздушным, взмывал ввысь от малейшего дуновения ветерка, и у него был особый аромат. Я спросила тетю Розу, чем пахнут ее платья.

– Это «Шалимар», балик-джан.

Спустя годы Американец подарил мне «Шалимар». «Это любимые духи моей мамы. Запах детства», – сказал он, вручая мне синюю коробочку. Я не ожидала, что Американец еще и романтик.

В нашу небольшую труппу входили Арминэ из четвертого подъезда и Ирэна из второго, иногда мы привлекали маленькую Анжелу с первого этажа на роли второго плана, типа «кушать подано» или бессловесного брата Иванушки. Мальчишки с окрестных дворов открыто презирали нашу труппу. Зато они очень любили приходить на спектакли, ржать над нами, держась за животы, давать нам разные дурацкие прозвища, а потом дразнить при каждом появлении во дворе. Только спустя много лет я поняла, что мальчишки до обморока боялись показаться смешными, поэтому ника-

кими бубликами и калачами мы так и не смогли заманить их в наш театр.

Роли красивых падчериц и принцесс доставались Марине, все-таки наш театральный реквизит был из сундука ее мамы, а мне оставались мужские роли. Я, как Олег Анофриев, была и трубадуром, и разбойником, и королем, и ослом.

Театр наш был поставлен на коммерческие рельсы: мы рисовали красивые билеты на представления, а потом ходили по квартирам нашего дома и продавали по 1 копейке за билет. И люди покупали их и приходили в театр.

Весь сбор со спектакля обычно поступал тетке из 45-го дома, которая торговала жареными семечками прямо с балкона своей квартиры на первом этаже: 5 копеек за маленький стаканчик и 10 копеек – за большой. Но когда о нашей деловой хватке прознали родители – от соседей, разумеется, – разразился большой скандал, нам влетело, и дальше наши спектакли превратились в благотворительный акт, и театр наш стал non-profit, некоммерческим предприятием.

Дом офицеров не был настоящей музыкальной школой, он все-таки был клубом, как ему и положено быть. Дом был старым. С высокими потолками, лепниной и хрустальными люстрами. Сейчас на этом месте элитный жилой комплекс Пьяцца Гранде (название какое-то итальянское). Музыкальных классов не было. Инструменты, кстати сказать, в основном, рояли, были расставлены повсюду. И мы никогда не знали, где мы будем сегодня заниматься: то ли в музее, то ли в

красном уголке, то ли в библиотеке, а, может быть, и в ресторане. А в теплое время года мы иногда занимались на летней эстраде. Там была великолепная открытая сцена с козырьком и амфитеатром вокруг. И росли акации, шелковица и розы.

Именно тогда, в Доме офицеров, и случился мой единственный звездный час во всей моей музыкальной карьере – меня выбрали исполнять какую-то несложную пьеску на новогоднем сборном концерте. Всего один раз в жизни я вышла на сцену и сыграла соло на рояле перед публикой. Больше такого никогда в моей жизни не было.

Дом офицеров был далеко от нашего дома, ездить туда было очень неудобно, и наши родители возили нас туда по очереди. В будние дни мамы, а по субботам – на сольфеджио – папы. Мы всегда с нетерпением ждали очереди моего папы, потому что, забрав нас из школы, он никогда не спешил отвезти нас домой. Мы шли в цирк, или в кукольный театр, или в кинотеатр «Москва» на сборник мультфильмов, или в парк на аттракционы. Он сидел и терпеливо ждал, пока мы с Мариной не накатаемся на всех качелях-каруселях, не зайдем во все комнаты смеха и не постреляем во всех тирах. А потом, конечно, было мороженое.

Когда за нами приезжал дядя Миша, он просто сажал нас в свою машину и отвозил домой. Нам это тоже нравилось, потому что мы доезжали быстро и не надо было трястись в автобусах, как с моим папой.

Однажды наш учитель по сольфеджио отпустил нас по-

раньше. Чтобы не болтаться на улице, мы пошли, как культурные и воспитанные девочки, в библиотеку и ждали дядю Мишу там. Он приехал, обегал все помещения, нас не нашел, подумал, что перепутал день и нас уже забрал дядя Саша, и вернулся домой. Телефонов тогда никаких еще у нас не было, и позвонить домой было невозможно. Не найдя нас дома и ввергнув в панику весь 15-ый квартал, дядя Миша захватил моего папу, и они вместе поехали обратно в Дом офицеров. На этот раз кто-то сказал им, что дети могут быть в библиотеке. Сломав голову, они понеслись туда и увидели нас, сидящих в тишине и читающих книжку, как сейчас помню, «Старик Хоттабыч». Подъезжая к дому, еще издалека мы слышали причитания наших мам, оплакивающих пропажу детей.

– Где вы были? – рыдали они и все не могли успокоиться.

– В библиотеке.

Нас с Мариной развели по квартирам и всыпали как следует. Вот скажите, за что?

Одним словом, нашим родителям возить нас надоело, и нас перевели в ту самую школу, куда когда-то не приняли.

Музыкальная школа при Доме офицеров – это не звучало престижно для настоящих профессионалов. И очень скоро выяснилось, что руки у нас поставлены неправильно, что все, начиная с шеи, плеча, руки и аж до кисти, ну все вывернуто не в ту сторону. Кроме того Бог явно не одарил нас усидчивостью, а всем, кто играет на каких-либо музыкаль-

ных инструментах, известно, что, помимо способностей, надо брать еще и одним местом, то бишь сидеть и заниматься по 3–4 часа в день. Наша новая учительница Жанна Михайловна быстро поняла, что второго Женю Кисина из нас не сделать и вместо того, чтобы выправлять наши руки, стала вести с нами долгие беседы про жизнь. И мы скатились с Мариной на тройки. Но Гаю Петросовичу удалось-таки вложить в нас кое-какие знания, и по сольфеджио у меня всегда была твердая четверка, и диктанты все списывали у меня.

Мы ненавидели нашу учительницу по сольфеджио Анжелу всей душой. Однажды мы прогуляли сольфеджио, а родителям заявили, что урока не было, потому что учительница умерла. Наши родители очень расстроились и долго вздыхали:

– Надо же, как жалко, такая молодая.

Переживали они недолго, потому что на следующий день позвонила Анжела, совершенно живая и здоровая, узнать почему это нас не было на сольфеджио.

Кое-как окончив музыкальную школу, я выбросила все свои ноты – ура! – и поклялась, что с игрой на музыкальных инструментах покончено навсегда.

II

Лена и Джон отмечали первую годовщину свадьбы. Было это в начале ноября 2001 года. Меня и моего Американца пригласили на вечеринку.

Это историческое событие случилось ровно через 2 недели после того, как я приехала в Америку. Идти мне туда совсем не хотелось, потому что я не понимала ни одного слова по-английски. И мне казалось, что там все, даже русскоговорящие, будут бойко болтать на английском, а я, как дура, буду сидеть в углу и молчать. А долго молчать я не могу. Мне обязательно надо разговаривать.

Тогда я думала, что этот интересный феномен произошел в Америке только со мной. Я, как и все, учила английский в школе с пятого класса, потом в университете, потом готовилась с репетитором к поступлению в аспирантуру, потом с другим репетитором готовилась к сдаче кандидатского минимума, читала научную литературу почти без словаря. После обручения с Американцем я опять брала частные уроки английского. Семь раз Американец приезжал в Донецк до того, как я уехала к нему в Америку, и мы с ним как-то ведь общались. Но, приехав в США, я поняла, что ни слова не понимаю. Я не могла уловить даже тему беседы, я могла только сказать, что эти люди, кажется, говорят по-английски. Я просто впала в ступор. Я могла ответить на вопрос только

если его повторяли мне пять раз и очень медленно. Самое трудное было задавать вопросы самой и разговаривать по телефону. Естественно, мне казалось, что это состояние никогда не пройдет, и мне было очень одиноко, а точнее – очень скучно. И тут мы попали на вечеринку к Лене и Джону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.